

ВЛАДИМИР НОЛЛЕТОВ
БЕЗ ОПРЕДЕЛЕННОГО
МЕСТОЖИТЕЛЬСТВА...

Владимир Ноллетов Без определенного местожительства...

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24051152
ISBN 9785448515446*

Аннотация

Книга рассказывает о жизни бомжей. Поставленные на грань выживания, они все же пытаются сохранить человеческое достоинство, даже хотят быть счастливыми.

Содержание

1	5
2	12
3	14
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Без определенного местожительства...

Владимир Ноллетов

© Владимир Ноллетов, 2024

ISBN 978-5-4485-1544-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Старик поправил на голове дырявую вязаную шапочку, пригладил седую всклокоченную бороду, пробурчал:

– Склеротика утром встретил. Худой как скелет. В рванье: голое тело видать. Ноги тряпками обмотаны... Меня не признал.

Он и еще трое бомжей сидели под скобообразной бетонной плитой. Такими плитами выстилают подземные коммуникации. Плита представляла из себя готовое жильё: она стояла на двух плоскостях – стенах, третья служила крышей. Еще одну стену образовывала другая плита, лежавшая на боку. Пол покрывали куски картона. У стен было набросано всякое тряпье. Здесь, на узком пространстве между железной дорогой и заброшенным заводом, валялось десятка два таких плит. Рядом с плитой в очаге из кирпичей горел огонь. Порывы задувшего к вечеру холодного ветра то раздували пламя, то едва не гасили его. На кирпичах стояла помятая кастрюля, в ней что-то булькало. За их спинами лежал человек с окровавленным лицом. Иногда он издавал пьяное мычание.

– А что за Склеротик, Митрич? – хрипло спросила женщина с красным, обветренным плоским лицом. На ней были дырявое спортивное трико, замызганная голубая куртка, потрескавшиеся лакированные туфли. Из-под ярко-красной

перекошенной шляпки во все стороны торчали жесткие черные волосы. Возраст ее трудно было определить.

– Ты что, Ырыс, его не застала? Весной он к нам прибил-ся. Одет был хорошо. При галстукe... В возрасте уже... Па-мять ему отшибло. Не помнил, где живет, как зовут, ничего! Три дня с нами жил, потом ушел. То на Ошском базаре его видели, то в Маевке. Теперь, значит, опять сюда потянуло... Наливай, Канай!

Приземистый бомж с круглым добродушным лицом раз-лил водку в одноразовые стаканчики. Они выпили. Человек за их спинами зашевелился, забормотал:

– Но... Но... – Никто не обернулся. – Новый предмет... в школе... в... ввести... «Благо... родство и честь»... на-звать...

Он снова затих. Ырыс повернулась к мужчине лет пяти-десяти пяти, с длинным красным носом. На голове его был брезентовый капюшон.

– Дядь Вов! Доценту кто морду разбил?

– Кто! Толян, кто ж еще.

– За что?

– За что! Да не за что. Ты ж Толяна знаешь: напьется – дурак дураком.

– Из-за Светки вроде, – уточнил Митрич.

Женщина сняла с кирпичей кастрюлю. Стали ужинать. Из-под самой дальней плиты донеслись злобные крики, плач.

– Ийи-и, опять Толян, сволочь, Светку воспитывает. – Ырыс выругалась. Они все вставляли мат почти в каждую фразу. – Вся уже в синяках... Ведь девчонка еще совсем.

– Так больше подадут, – усмехнулся старик.

– Значит, они теперь бутылки, скажем так, не сдают? – поинтересовался Канай. Он говорил с легким акцентом, Ырыс же – на чистейшем русском.

– Толян сейчас Светку попрошайничать заставляет. Мы с ней в одном переходе сидим.

– А сам с Русланом металл собирает, металл, – добавил красноносый.

– Видел я, как они собирают, – с ухмылкой сказал старик. – С завода тащат. Что там еще осталось...

– Так это они крышку с люка утащили, – догадался Канай. – Я чуть не провалился.

– Они.

– Куртку новую на Руслане видели? – спросила Ырыс.

– Ну а что, – сказал красноносый. – Металл – это тебе не бутылки.

Ырыс махнула на него рукой.

– Назгуль-эже сказала, вчера ночью кто-то мужика грабнул, – сообщила она. – Недалеко от ее комка, возле сарая. И позавчера.

Они помолчали.

– Где Валька до сих пор бродит? – сказал Канай.

– Свалилась где-нибудь, – равнодушно произнес старик.

Неожиданно к ним подбежала, сторняясь пламени, облезлая собака и приветливо замахала хвостом. Вслед за ней показалась лохматая, невообразимо грязная женщина. Она была пьяна.

– Легка на помине, – улыбнулся Канай.

Бомжи подвинулись. Женщина плюхнулась на картон.

– Мне водяры... плесните... – прошамкала она беззубым ртом. Лицо у нее было испитое, опухшее, неподвижное. Глаза, видимо, большие, голубые и добрые когда-то, заплыли, превратились в щелочки, стали тусклыми и пустыми. Она выпила, закусил. И вдруг всхлипнула.

– Сегодня... Склеротика пришили... Эжешка сказала... У сарая... Сперва били... Несильно, жалеючи словно... Потом горло перерезали... Оказывается... он здесь жил... – Она махнула рукой на многоэтажные дома за железной дорогой.– Сосед опознал... Полгода как... пропал, говорит... В двухкомнатной квартире один жил... Машина была... Работа хорошая... Еще и пенсию большую... получал... Эх, Склеротик!

Наступило молчание. Минуту Валька бессмысленно смотрела на пламя, потом внезапно опрокинулась навзничь и засопела. Собака улеглась у ее ног. Красноносый покачал головой:

– Кому помешал? Он же безобидный был как дитя.

– Да, вот как, – задумчиво сказал старик.– Квартира, машина, а он в мусоре рылся. Вот так. Может и вспомнил, на-

конец, где живет, да не дошел чуть-чуть... – Он насмешливо взглянул на красноносого своими колючими серыми глазками. – Ну а ты, Егорыч, в какой квартире будешь жить?

Лицо у того просветлело.

– Я? Тоже в двухкомнатной! Два дня осталось, два. Квартиранты завтра съезжают, в среду дочка приедет.

– Очень ты ей нужен, – хмыкнул Митрич.

Егорыч нахмурился.

– Да не слушай ты его, дядь Вов, – вмешалась Ырыс. – Примет она тебя, как иначе.

– Как иначе! – передразнил Митрич. – Как будто ты не знаешь, как иначе. У меня соседка была. Бабка как бабка. Ну, что-то забывала, не без этого. Но нормальная вполне. Так детки в психушку ее упекли. Жить удобно им мешала. Вот там у ней действительно крыша поехала. От горя. От лечения. А сколько стариков в дома престарелых сплавляют... А ты: как иначе!

– У нас не так.

– Ладно, Митрич, тогда я тебе одну историю расскажу, – обиженно заговорил красноносый. – Правда от и до. Идет, значит, бомж по улице. Грязный, рожа побитая. Люди – в стороны. Ну, сами знаете... А навстречу – девушка. Красивая, нарядная. Вдруг бросается к нему. Обняла, прижалась. Прохожие глазам своим не верят. А у ней – слезы текут. Прощения просит... – Голос Егорыча дрогнул. Казалось, он сейчас сам заплачет. Старик снова хмыкнул. – Это она, значит,

отчима встретила, отчима своего. Они с матерью когда-то его выгнали. Бухал якобы много. А мать ее такой стервой была, что нельзя было не забухать...

– Ну прямо как у тебя, дядь Вов, – удивилась Ырыс.

– О чем и речь. Хотя не совсем: Верочка-то меня не выгнала. Жена выгнала, не тем будь помянута... Так вот, девка та вышла потом замуж. Только неудачно. Муж пил, бил. Через год развелась. С матерью, со стервой такой, тоже не ужилась. Квартиру на две разменяли. Замуж больше не вышла: ей все отморозки попадались. И осталась она одна. И вот тут-то она поняла: за всю жизнь лишь один человек с добротой к ней относился, с любовью. Отчим! Вспомнила, как он о ней заботился, подарки дарил. От матери защищал... Так ей захотелось его найти! Представляла себе, как бы дружно они стали жить; она любила бы его как родного отца. И случайно на улице на него наткнулась!

– Сказка! – махнул рукой Митрич.

– Было это, было! – Егорыч даже привстал от волнения. – В газете писали. Сам читал... Так то – падчерица! А Верочка-то – кровинка моя.

– Ну-ну, – скептически буркнул старик.

Вдруг собака подняла голову и зарычала. Взметнувшееся от порыва ветра пламя осветило тонкую фигурку. Это была девушка лет восемнадцати, хорошо одетая, но осунувшаяся и изможденная. Она смотрела на них с какой-то обреченностью. Ей освободили место. Егорыч снял с себя зловонную

куртку и заботливо накинул на плечи девушки. Ее передернуло. Пить она отказалась, ела однако с аппетитом. На вопросы отвечала неохотно, сказала лишь, что ее зовут Наташей, что она ушла из дома. Девушку клонило ко сну. Ее уложили на лучшем месте, и она тотчас уснула.

– Красивая до чего, – покачал головой Егорыч.

– А прикид какой! – заметила Ырыс.– На несколько тысяч тянет.

– Видно, что приличная, – сказал Канай. Они допили водку, покурили. Старик встал и твердыми шагами пошел к соседней плите – он ночевал там, – бросив через плечо:

– Костер потушите, не забудьте. А то опять поджаритесь.

То ли у него был очень крепкий организм, то ли он умел вовремя остановиться, но он никогда не напивался до бесчувствия. В отличие от других бомжей Митрич вообще мог обходиться без водки и пил больше за компанию.

Егорыч ушел вслед за ним. Канай и Ырыс потушили огонь и, с трудом найдя свободное место в своем гостеприимном жилище, улеглись спать.

2

Первым на это место наткнулся Митрич. Он забрел сюда весной, увидел плиты и решил остаться. Несколько лет назад жил он в собственном большом доме, а теперь был рад и такому жилью. Митрич стал жертвой квартирных мошенников. Как-то он решил продать дом на северной окраине Бишкека и поселиться в центре. Едва он переехал в купленную квартиру, как выяснилось, что он отдал деньги не настоящему хозяину, а квартиранту. Тот исчез. Во всех тонкостях этой афера старик так до конца и не разобрался. Были здесь и подделка подписей, и подкуп нотариуса. Одним словом, он оказался на улице. В довершение всего у него украли все документы.

Через неделю под соседней плитой обосновался Канай. У него тоже был дом. Один его земляк и единоплеменник, даже как будто дальний родственник, поил его несколько дней и наконец упросил заложить дом, а деньги одолжить ему. Деньги нужны были земляку, чтобы проверить одно необычно выгодное, по его словам, дело. Дело прогорело, земляк деньги не вернул, пропал. И Канай остался без дома.

Вскоре к Канаю прибилась Перизат – шестнадцатилетняя южанка с огромными горячими глазами, застенчивая и молчаливая. В родном аиле остались семь ее младших братьев и сестер. Мать уехала на заработки в Россию. Отец запил, за-

гулял. Стал ее избивать. Иногда нечего было есть. Она сбежала в Бишкек, к двоюродной сестре, но не смогла ее найти.

Затем, почти одновременно, пришли сюда Валька с собакой Куклой и Егорыч. Недолго жил здесь Склеротик. В начале лета Перизат исчезла, ее место заняла Ырыс. Потом притащился Доцент. Он трясся всем телом, просил дать опохмелиться. Его приютил под своей плитой Егорыч. Два дня жила десятилетняя Даша, оборванная и чумазая, затем пропала. Как-то появилась Айша – несовершеннолетняя мама с пятимесячным ребенком. Бомжи отправили ее в приют «Коломто».

Иногда они ругались, даже дрались, но до прихода Толяна это были, можно сказать, семейные ссоры. Этот же двадцатипятилетний верзила, тупой и агрессивный, был по-настоящему опасен. Он недавно освободился. Поселился он под самой крайней, стоявшей на отшибе, плитой. Через три дня Толян привел Светку. В свои шестнадцать лет она уже успела отсидеть за воровство. В октябре одну из соседних плит облюбовали три мальчишки двенадцати-тринадцати лет. Бекболот и Димка сбежали из дома. От пьяных скандалов, от побоев. Третий, Алик, жил на улице сколько себя помнил. Они держались обособленно. Последним в середине ноября явился Руслан. Он стал жить у Толяна.

3

Бомжи проснулись рано.

– Я вчера дрался? – спросил Доцент, стирая кровь с лица.

Он был средних лет, среднего роста, худой и невзрачный.

– Толян тебя отметелил, – пояснил Митрич.

– Я-то хоть раз его ударил?

– Что-то не заметил. Да ты уже бухой был, еле на ногах стоял.

– Эх! – вздохнул тяжело Доцент.

Ырыс тормошила Каная.

– Вставай, вставай, – сказал, подходя, Митрич. – Кто рано встает, тому бог дает.

Ырыс повернулась к нему.

– Вчера поздно вышли, так до нас кто-то все контейнеры распотрошил.

Канай потянулся, зевнул.

– А у нас так говорят: коп жойлогон тульку, скажем так, ачкан олот.

– В смысле?

– Лиса, которая много... суетится, от голода сдыхает.

– Его любимая поговорка, – сердито проговорила Ырыс. –

Вот уж точно лень раньше его родилась.

– Лень – это хорошо, – возразил Канай. – Лень – это полезно. Если человек ленится, значит, душа у него, скажем

так, работает. Значит, понять он хочет, зачем живет.

– Поднимайся, философ, – повторил старик.

– Спит как убитая, – прошамкала Валька, склонившись над Наташей. – Эх, пропадет она тут. Красивая слишком.

Кукла весело крутилась возле бомжей, но вдруг наострила уши. По железнодорожной насыпи к ним спускались Толян и Руслан. Толян что-то нес в полиэтиленовой сумке.

– Доцент, харю умой, – хохотнул он.

Руслан заметил спящую девушку и замедлил шаг.

– Это что за красотка? Кто такая?

Никто не ответил. Он стал, обвел всех нетерпеливым, требовательным взглядом и остановил его наконец на Вальке, стоявшей к нему ближе других. Руслан ждал ответа. Собака зарычала. Валька тупо смотрела на него, приоткрыв рот. За его спиной гневно засопел Толян.

– Вечером к нам пришла, – поспешно сказал Егорыч. – Ушла из дома.

Руслан и Толян направились к своей плите.

– Как у него глаза загорелись, когда Наташку увидел, – покачала головой Ырыс.

Канай посмотрел на серое небо. Лишь на востоке оно становилось желтым, а на западе над горизонтом тянулась мутно-голубая полоса. Бомжи взяли огромные черные полиэтиленовые мешки и клетчатые китайские сумки и двинулись в путь. Остался только Митрич. Они вышли на дорогу. Миновали плиты. Слышно было, как под крайней плитой хны-

кала Светка. Кукла то отставала, то забегала вперед. Дорога шла параллельно железнодорожному полотну. По одну ее сторону тянулись заводские заборы, за ними стояли обшарпанные, с разбитыми окнами, заброшенные корпуса. По другую – цепочкой – кучи земли попеременно с булыжниками. На кучах и возле них валялись всякие строительные и хозяйственные отходы. Здесь бомжи находили нужные материалы для благоустройства своих жилищ. Лишь кое-где дорожку покрывал асфальт, осевший, потрескавшийся. В одном месте, по обе стороны дороги, стояло десятка два покрытых ржавчиной металлических столбов. Валька с Куклой отстали. Валька двигалась медленно, какой-то походкой робота. Верхняя часть туловища оставалась при ходьбе неподвижной. Руки были слегка растопырены. Она словно боялась потерять равновесие.

Бомжи свернули к железной дороге, прошли мимо глубокого оврага, поросшего кустарником. Перешли линию. Тут удобнее всего было переходить. Направились к одинокому киоску. Это был комок Назгуль-эже. Метрах в двадцати от него, почти рядом с железнодорожной насыпью, виднелось мрачное дощатое строение. Доски почернели, перекошились, наполовину сгнили. В крыше из пожелтевшего от времени шифера зияли дыры. Егорыч посмотрел на сарай, вздохнул.

– Там, значит, Склеротика убили.

Подшли к киоску, сдали оставшиеся с вечера бутылки,

пошарили в карманах. За пять сомов Назгуль-эдже наливала сто грамм. Опохмелившись, бомжи отправились рыться в мусорных контейнерах. Канай и Ырыс – в одну сторону, Егорыч и Доцент – в другую. Старались идти быстро: надо было опередить конкурентов.

Найденное на помойках бомжи сдавали. Стеклянные бутылки – по сому. Железо – по одному сому семьдесят тыйынов за килограмм. Удачей считалось найти что-нибудь алюминиевое или медное. В день каждый зарабатывал сомов сорок. Деньги в основном пропивали. Все необходимое для жизни – пищу, одежду, обувь, кухонную утварь – тоже находили в мусоре.

Через час тем же путем бодро зашагал старик. К нему присоединилась белобрысая девочка с серо-зелеными злыми глазами. Немытое лицо ее было в синяках. Она была в замусоленном сиреневом свитере, короткой красной юбке поверх протертых на коленях до дыр, словно по последней моде, джинсах и больших не по размеру, рваных кедах.

Старик, не замедляя шаг, бегло ее оглядел.

– Твой-то где до утра шастал?

– А я знаю? – огрызнулась девочка. – Он мне не докладывает. – Она длинно и витиевато выругалась. – Классно до Руслана было. Мы с Толиком реально не расставались. А сейчас я его почти не вижу.

– Радуйся: синяков меньше будет.

– Кореша крутые у них теперь.

– Смотри, как бы твой Толян опять не сел.

Светка зашмыгала носом.

– Хотел же он на нормальную работу устроиться, как освободился. Не взяли. Таких не берут, кто с зоны.

Они перешли линию и направились к одному из оживленных подземных переходов. Там они просили милостыню. Старик не походил на других нищих. Он смотрел каждому прохожему прямо в глаза испытующим, строгим, чуть насмешливым взглядом, как бы спрашивая: «Ну а ты что за человек? Пожадничаешь или нет»? И собирал денег не меньше Светки.

Проснувшись, Наташа несколько секунд глядела на законченный бетонный потолок, не понимая, где находится. Потом все вспомнила. И едва не застонала.

Она постеснялась сказать бомжам, что не она ушла из дома, а ее выгнали. Три дня назад ее пригласили на день рождения однокурсника. Она согласилась пойти из деликатности, очень уж ее уговаривали. В группе она была белой вороной: не ругалась, не курила, не пила, возвращалась домой не позже девяти. Чтобы никого не обидеть, выпила рюмку, другую. Ее напоили. Особенно постарались подруги. Им давно хотелось, чтобы она стала такой же как они, ее непохожесть раздражала... Проснувшись Наташа на диване. На этом же диване сидели три однокурсника, смотрели телевизор. В следующую секунду она с ужасом поняла, что лежит совершенно нагая. Она соскользнула с дивана, кое-как нашла одежду. Они не обращали на нее внимания. Один только весело осведомился о ее самочувствии. Наташа оделась и выскочила из квартиры... А дома ее ждал новый удар. «Где ты шлялась всю ночь? – сурово спросила мачеха. Наташа всегда чувствовала, что мачеха ее не любит, но лишь после смерти отца год назад поняла, до какой степени.– Да от тебя водкой разит! Уходи! Туда, откуда пришла!» Идти ей было некуда. В институте она теперь не появилась бы ни за что на свете. Весь

день она то сидела на скамейке, то бродила по улицам. Ночь провела в парке, в кустах. На следующий день она только сидела. Вечером пошла к железной дороге, чтобы броситься под поезд, однако молодая жажда жизни ее удержала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.